ОДИН ДЕНЬ ЖИЗНИ

Любимая театральная байка:

Сценичный круг. На его закулисной части гуляют монтировщики, накрыли себе полянку и выпивают, а на сцене финал «Женитьбы Фигаро». И вдруг механизм начал вращение и вся компания выехала на авансцену. Зал замер. А монтировщик встал, поднял свой граненый стакан и торжественно произнес: «Ну что? За Моцарта!..»

Из личного архива Виталия БРЕУСЕНКО

Виталий БРЕУСЕНКО — артист балета

ДЕТСТВА НЕ БЫЛО. А СТАРОСТЬ НАСТУПАЕТ В 40

6.45. — Настя, что у нас сегодня на обед?

Спросил и сам себе ответил: «Спагетти». Потому что вечером спектакль «Лебединое озеро», где я играю шута. А в день спектакля я ем только спагетти. Это легкая пища. От них не поправляются, они энергетически очень насыщенные и никогда не пойдут в массу. Про завтрак спрашивать ни к чему. Он всегда один и тот же: черный чай с молоком и медом.

Последнее время безумно проникся к меду. Недавно был на ярмарке и накупил этого меду на всю оставшуюся жизнь. Боже, как вкусно! Особенно мед диких пчел. Ложечку съел — и можно умереть.

7.30. Перед молочной кухней припаркованы автомобили и коляски. Внутри очередь человек восемь-десять, почти одни папы. Тетя Маша, выдав порцию бутылочек очередному сонному папаше, похвалила: «Молодцы, мужики, жалеете своих мамочек...»

Поздоровался с мужчиной из соседнего дома. Он отсутствовал несколько дней, а у меня за три года уже выработался рефлекс, если его нет, начинаю выглядывать, волноваться — не случилось ли чего. Ничего не случилось, забирал машину из сервиса...

Подрулила очень «крутая» тачка. Ее владельцу наверняка нет проблемы купить весь молокозавод. А вот поди ж ты, ездит сюда. Может, ради ритуала, может, оттого, что в детской кухне гарантировано качество продукта.

9.30. Малышня проснулась, и в квартире стоит привычный ор. Старшая, Василиса (год и десять месяцев), тут же начала бегать вокруг меня с коляской, демонстрируя, какая она хорошая мама. Младшая, Софья (восемь месяцев), обеспечивала мощное звуковое сопровождение. Она — внеплановый ребенок. Но, глядя на Василису, мы с женой ни секунды не колебались. Как можно убить такое?..

Выпил чайку, на этот раз зеленого. Послушал новости. Последнее время стал их слушать. После «Норд-Оста». Когда вдруг понял, что смертен. Там артисты, такие же, как и я, умирали только за то, что они на сцене. Раньше я об этом не задумывался. Была иллюзия, что мы хоть как-то защищены... Слава богу, ничего не произошло... Пощелкал пультом — на всех каналах одно и то же: чернуха, порнуха, насилие, желание любым способом прогреметь — ужас!

14.00. Спагетти с соусом — м-м-м — фантастика!

16.45. Собрал в рюкзак косметику (гель для волос, грим, пудру, тоник), шерстяночки, отдельно — все свои обереги-амулеты (три иконки и смешной резиновый бегемот — подарок жены.)

17.45. Возле театра невозможно припарковаться. Рядом — Совет Федерации, черные «Волги», «Мерседесы». Искал место и злился. У меня — спектакль, а у них — что?

18.05. У каждого театра есть свой запах. Например, в зале Чайковского пахнет деревом. У нас — дикой прокуренностью. Большинство артистов балета дымят со страшной силой. Я бросил четыре года назад. Поспорил с другом на тысячу баксов. Деньги не трясу, считаю, что выиграл больше.

Тихонечко, пока никто не видит, встал на весы. Схватился за голову: семьдесят пять кило вместо положенных семидесяти. Набрал за неделю. Не было спектаклей — и отпустил вожжи. Кушал, что хотел. Белый хлебушек с маслицем, с сырком, рыбку, картошечку. А дома принципиально нет весов. Я боюсь их иметь. Мне кажется, если бы дома были весы, я и спал бы на них. Настроение моментально портилось. Еда — это мой великий соблазн. Я же хохол. В прошлом году решили с женой попоститься. Что со мной творилось! Открывал холодильник, смотрел на мясо, на сало, пинком закрывал дверь, уходил в комнату, включал музыку.

Увидел себя в зеркале. Да нет, очень даже ничего...

18.10. Гримерка набита какой-то аппаратурой, мешками, сумками. «Мосфильм» по ночам снимает что-то о Шаляпине. Толкотня, никто не знает, куда, чего и как, все возмущаются. К тому же киношники оставили открытым окошко, и в комнате дубняк. У гримера ледяные руки, пальцы не слушаются... Ко всем неприятностям еще и фейс пошел какими-то красными пятнами. Декорации пропитаны специальным противопожарным составом. У меня на него аллергия, и у половины труппы — тоже.

Ребята рассказали об очередном розыгрыше. На гастролях в Киеве отменили спектакль, а ведущий солист об этом не знал, потому что приехал буквально к первому звонку. И никто — ни звука. Все гримируются как ни в чем не бывало, он, естественно, тоже. Вышел на сцену, принял начальную позу — спиной к залу. Открывается занавес, солист стоит, как дурак, ждет первых аккордов, а вместо них раздается хохот. Артисты — жестокий народ.

18.20. Костюмер что-то на ходу подшил, соблюдая суеверный ритуал, напоследок легонько уколол иглой: «Ой!» — и греться на сцену.

18.35. Вошел в зал — и сразу, на автомате, инспекция слабых мест: стопа в порядке? спина в порядке? Три года назад у меня была жуткая травма. Репетировали «Корсара», делал элементарный прыжок. Прыгнул — и упал. И не могу встать. Диски разлетелись, как елочка. Полгода — иголки, массажи. Куда ни повернешься — больно. Лежал мертвым грузом на диване, и не хотелось ни солнца, ни луны, ни людей. А однажды встал — боли нет. Не поверил себе. Начал потихоньку ходить, начал качать пресс, потому что именно он держит спину (распустил живот — провалилась спина, собрал живот — сразу выровнялась спина). Многие заблуждаются, думая, что спину держат ее мышцы. Она может быть мускулистой, но слабой, как тростиночка. Так что у кого проблемы со спиной — качать нужно пресс, а не спину..

Похрустел коленом. Хрустит — это нормальный ход вещей. Суставы стираются, жировые прослойки уходят. Если послушать, на сцене во время спектакля — такое сопровождение! Иногда кажется, что хоровой хруст заглушает оркестр.

Издержки профессии. Пальцы, желваки, вывороченные суставы, подагра. Харкаешь кровью, печенка-селезенка вылезает, уши болят от давления. Балетные к сорока годам, как правило, полукалеки. Если на пляже лежит женщина в носках — это без вариантов балерина. Почему в носках? Ножки разбиты. С десяти лет на пуантах, а они деформируют суставные сумки.

На сцене сел для начала на пол, посидел, поныл чуть-чуть: и пируэт сегодня не стоит, и прыгать неохота, и все плохо, и все болит. Пожалеваться себе, пожалеть себя — это святое, это так же обязательно, как укол иголкой. Потом погрелся. Пот прошиб, дыхание согрелось, состояние пошло. Зажглась рампа, зажглись наводящие пушки. Как сказал Гагарин: «Поехали...»

19.00. Первые па — заявка на весь спектакль. Поставил себе задачу как можно выше вылететь на ассамбле.

Девяносто девять процентов зрителей в техническом балете ничего не понимают, а я хотел сделать для профессионалов. Чтобы сказали: о, супер! По-моему, получилось.

Зал хороший. В Москве, да и в России очень балетная публика. За границей или гробовая тишина, хоть выпрыгни из штанов, или хлопают где надо и не надо, что тоже раздражает. У нас знают и где хлопать, и как. Например, после па-де-де в 3-м акте хоть полчаса аплодируй — это нормально. А в небольшой паузе после мизансцены довольно нескольких хлопков.

Хорошо сделал гранд-пируэт, в диком темпе. И вдруг острая боль в спине! Аж жаром обдало. Неужели снова? Слава богу, ничего страшного, всего-навсего в костюме забыли иголочку. Обычное дело..

21.30. Зрители не жалели ладошек.

22.00. На улице темно, холодно, грязно, а в Бразилии сейчас карнавал... Люди сходят с ума от простого счастья, что они люди. Самая распоследняя бабулька, еле дышит, стаканюку кофе накатит, глаза бешеные — и отплясывает. С палочкой? Неважно! В обед сто лет? Неважно! Все ликуют, любовь под каждым кустом. Они умеют радоваться. Там не надо тратиться на салюты. Там салют — от каждого человека.

22.00. Могу я оторваться после спектакля? Хохол я или не хохол? Гудящие ножки — на стул. Выключили свет, зажгли свечи, я люблю, когда за ужином свечи. Теперь спектакль — ой-ей-ей — через десять дней, могу себе позволить почревоугодничать. Рагу, селедочка без гарнира, без хлеба. Салатик такой, салатик сякой. Бокальчик холодного пива, «Балтика» № 8, из морозильной камеры, с корочкой льда. В Испании это называется «Харра». Плиточка шоколада... Вот оно, блаженство!

● Ведущая рубрики **Лилия ГУЩИНА**

Анкета:

Любимый фильм: «Сибирский цирюльник». Я давно над фильмами не плакал, а здесь сидел и плакал.
На что больше всего тратится денег: На детей. Няня, памперсы, еда, одежда.
Привычка, которая осталась с детства: У балетных нет детства.
Последняя причина слез: У меня был «Дон Кихот» в Братиславе, а я подвернул ногу и оттанцевал спектакль с опухшей ногой. Прилетел в «Шереметьево». Меня встречала жена, я ее увидел и зарыдал... Народ перешептывается: обворовали... И еще минут двадцать в машине бился головой о стекло и не мог остановиться.
Политическая симпатия и антипатия: Прислушиваюсь к Жириновскому. Он говорит вещи, которые многие думают, но боятся сказать. Оттого выглядит смешным.
Нелюбимая телепрограмма: «Окна» и вообще весь канал ТНТ и СТС. И еще не люблю НТВ — за надменность.
Самая дорогостоящая вещь в гардеробе: Смокинг, около тысячи баксов.
Вещь, которую жаль выбросить: Медалька с фестиваля в Казани, гипсовый бюстик Ленина, подаренный в училище. Смотрю, вспоминаю... Не молодеем.
Последняя крупная покупка: Автомобиль, коляски, которые нынче стоят, как тот же автомобиль.
Любимый вид отдыха: Поваляться на кровати. От тусовок расстраиваюсь. Глупость, серость, все одно и то же.
Самый сильный страх: Возраста и нищеты. Балетный век короток. При самой жесткой экономии на отложенных к пенсии деньгах протянешь лет пять. На пенсию — в тридцать восемь лет. Мне — тридцать три. Это расцвет, а я уже думаю, как существовать на заслуженном отдыхе. Многие ломаются, впадают в депрессию. После мира блеска, цветов идти таксистом — ну какая психика выдержит?
Последнее огорчение: Отмененный гала-концерт на Дальнем Востоке. Продано 25 билетов.